

Э. Т. А. ГОФМАН

ЩЕЛКУНЧИК
И
МЫШИНЫЙ
КОРОЛЬ

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2020

ЁЛКА

Двадцать четвёртого декабря детям советника медицины Штальбаума весь день не разрешалось входить в проходную комнату, а уж в смежную с ней гостиную их совсем не пускали. В спальне, прижавшись друг к другу, сидели в уголке Фриц и Мари. Уже совсем стемнело, и им было очень страшно, потому что в комнату не внесли лампы, как это и полагалось

в сочельник. Фриц таинственным шёпотом сообщил сестрёнке (ей только что минуло семь лет), что с самого утра в запертых комнатах чем-то шуршали, шумели и тихонько постукивали. А недавно через прихожую прошмыгнул маленький тёмный человечек с большим ящиком под мышкой; но Фриц наверное знает, что это их крёстный, Дроссельмейер. Тогда Мари захлопала от радости в ладоши и воскликнула:

— Ах, что-то смастерил нам на этот раз крёстный?

Старший советник суда Дроссельмейер не отличался красотой: это был маленький сухонький человечек с морщинистым лицом, с большим чёрным пластырем вместо правого глаза и совсем лысый, почему он и носил красивый белый парик; а парик этот был сделан из стекла*, и притом чрезвычайно искусно. Крёстный сам был великим искусником, он даже знал толк в часах и даже умел их делать. Поэтому, когда у Штальбаумов начинали капризничать и переставали петть какие-нибудь часы, всегда приходил крёстный Дроссельмейер, снимал стеклян-

---

* То есть из стеклянного волокна.

ный парик, стаскивал жёлтенький сюртучок, повязывал голубой передник и тыкал часы колючими инструментами, так что маленькой Мари было их очень жалко; но вреда часам он не причинял, наоборот — они снова оживали и сейчас же принимались весело тиктикать, звонить и петь, и все этому очень радовались. И всякий раз у крёстного в кармане находилось что-нибудь занимательное для ребят: то человечек, ворочающий глазами и шаркающий ножкой, так что на него нельзя смотреть без смеха, то коробочка, из которой выскакивает птичка, то ещё какая-нибудь штучка. А к Рождеству он всегда мастерил красивую затейливую игрушку, над которой много трудился. Поэтому родители тут же заботливо убрали его подарок.

— Ах, что-то смастерил нам на этот раз крёстный! — воскликнула Мари.

Фриц решил, что в нынешнем году это непременно будет крепость, а в ней будут маршировать и обучаться ружейным приёмам прехорошенькие нарядные солдатики, а потом появятся другие солдатики и пойдут на приступ, но те солдаты, что

что Мари могла любоваться им со всех сторон; она и любовалась им всласть, то и дело повторяя:

— Ах, какое красивое, какое милое, милое платьице! И мне позволят, наверное позволят, в самом деле позволят его надеть!

Фриц тем временем уже три или четыре раза галопом и рысью проскакал вокруг стола на новом гнедом коне, который, как он и предполагал, стоял на привязи у стола с подарками. Слезая, он сказал, что конь — лютый зверь, но ничего: уж он его вышколит. Потом он произвёл смотр новому эскадрону гусар; они были одеты в великолепные красные мундиры, шитые золотом, размахивали серебряными саблями и сидели на таких белоснежных конях, что можно было подумать, будто и кони тоже из чистого серебра.

Только что дети, немного уgomонившись, хотели взяться за книжки с картинками, лежавшие раскрытыми на столе, чтобы можно было любоваться разными замечательными цветами, пёстро раскрашенными людьми и хорошенькими играющими детками, так натурально изображёнными, будто они и впрямь живые и вот-вот заговорят, — так вот,

ВОКРУГ ДЕРЕВА ВСЁ ПЕСТРЕЛО И СΙΑЛО.
И ЧЕГО ТАМ ТОЛЬКО НЕ БЫЛО!

механизм, приводивший в движение человечков. Дроссельмейер разобрал и снова собрал всю игрушку. Теперь он опять повеселел и подарил детям несколько красивых коричневых человечков, у которых были золотые лица, руки и ноги; все они были из Торна* и превкусно пахли пряниками. Фриц и Мари очень им обрадовались. Старшая сестра Луиза по желанию матери надела подаренное родителями нарядное платье, которое ей очень шло; а Мари попросила, чтоб ей позволили, раньше чем надевать новое платье, ещё немножко полюбоваться на него, что ей охотно разрешили.

---

* Человечки из Торна — медовые пряники из польского города Торна, сделанные в виде человечков.

ЛЮБИМЕЦ

Ана самом деле Мари потому не отходила от стола с подарками, что только сейчас заметила что-то, чего раньше не видела: когда выступили гусары Фрица, до того стоявшие в строю у самой ёлки, очутился на виду замечательный человечек. Он вёл себя тихо и скромно, словно спокойно ожидая, когда дойдёт очередь и до него. Правда, он был не очень

шатается. Но почему у него нет сабли? Почему ты не повязал ему саблю?

— Ну ты, неугомонный, — проворчал старший советник суда, — никак на тебя не угодишь! Сабля Щелкунчика меня не касается. Я вылечил его — пусть сам раздобывает себе саблю где хочет.

— Правильно! — воскликнул Фриц. — Если он храбрый малый, то раздобудет себе оружие.

— Итак, Мари, — продолжал крёстный, — скажи, знаешь ли ты сказку о принцессе Пирлипат?

— Ах нет! — ответила Мари. — Расскажи, расскажи, милый крёстный!

— Надеюсь, дорогой господин Дроссельмейер, — сказала мама, — что на этот раз вы расскажете не такую страшную сказку, как обычно.

— Ну конечно, дорогая госпожа Штальбаум, — ответил Дроссельмейер. — Напротив, то, что я буду иметь честь изложить вам, очень занятно.

— Ах, расскажи, расскажи, милый крёстный! — закричали дети.

И старший советник суда начал так...

«ВОТ ВИДИШЬ, КАК ЗАБОТИТСЯ КРЁСТНЫЙ
О ТВОЁМ ЩЕЛКУНЧИКЕ...»

одеяниях — одни на белых конях, другие в хрустальных каретах — потянулись на колбасный пир. Король встретил их с сердечной приветливостью и почётом, а затем, в короне и со скипетром, как и полагается государю, сел во главе стола. Уже когда подали ливерные колбасы, гости заметили, как всё больше и больше бледнел король, как он возводил очи к небу. Тихие вздохи вылетали из его груди; казалось, его душой овладела сильная скорбь. Но когда подали кровяную колбасу, он с громким рыданием и стонами откинулся на спинку кресла, обеими руками закрыв лицо. Все повскакали из-за стола. Лейб-медик тщетно пытался нащупать пульс у злосчастного короля, которого, казалось, снедала глубокая, непонятная тоска. Наконец после долгих уговоров, после применения сильных средств, вроде жжёных гусиных перьев и тому подобного, король как будто начал приходить в себя. Он пролепетал едва слышно:

— Слишком мало сала!

Тогда неутешная королева бухнулась ему в ноги и простонала:

— О мой бедный, несчастный царственный супруг! О, какое горе пришлось вам вынести! Но

МЫШИЛЬДА ВСКОЧИЛА НА ПЛИТУ И СТАЛА ХВАТАТЬ ИЗЯЩНЫМИ ЛАПКАМИ ОДИН ЗА ДРУГИМ КУСОЧКИ САЛА, КОТОРЫЕ ЕЙ ПРОТЯГИВАЛА КОРОЛЕВА

Она не могла даже шевельнуться, потому что увидела, как из дыры в стене с трудом вылез Мышиный Король и, сверкая глазами и коронами, принялся шмыгать по всей комнате; вдруг он одним прыжком вскочил на столик, стоявший у самой кровати Мари.

— Хи-хи-хи! Отдай мне всё драже, весь марципан, глупышка, не то я загрызу твоего Щелкунчика, загрызу Щелкунчика! — пищал Мышиный Король и при этом противно скрипел и скрежетал зубами, а потом быстро скрылся в дырку в стене.

Мари так напугало появление страшного Мышиного Короля, что наутро она совсем осунулась и от волнения не могла вымолвить ни слова. Сто раз собиралась она рассказать матери, Луизе или хотя бы Фрицу о том, что с ней приключилось, но думала: «Разве мне кто-нибудь поверит? Меня просто поднимут на смех».

Однако ей было совершенно ясно, что ради спасения Щелкунчика она должна будет отдать драже и марципан. Поэтому вечером она положила все свои конфеты на нижний выступ шкафа. Наутро мать сказала:

ОНА НЕ МОГЛА ДАЖЕ ШЕВЕЛЬНУТЬСЯ, ПОТОМУ ЧТО УВИДЕЛА,
КАК ИЗ ДЫРЫ В СТЕНЕ С ТРУДОМ ВЫЛЕЗ МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ

СТОЛИЦА

Ш елкунчик снова захлопал в ладоши. Розовое озеро зашумело сильнее, выше заходили волны, и Мари заметила вдали двух золоточешуйчатых дельфинов, впряжённых в раковину, сиявшую яркими, как солнце, драгоценными камнями. Двенадцать очаровательных арапчат в шапочках и передничках, сотканных из радужных пёрышек колибри,